

УДК 321.7

Энтони Макгрю

**ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ:
ТЕОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹**

Идентифицируются различные оценки транснациональной демократии, корнящиеся в различных традициях демократической мысли. Критическая рефлексия над четырьмя современными представлениями о демократии (демократическая межгосударственность, радикальный демократический республианизм, космополитизм и советательная демократия) поднимает фундаментальные вопросы: желательна ли возможна транснациональная демократия?

Введение

Демократическая теория (и практика), отмечает И. Шапиро, всегда оказывается важной, «...когда сталкивается с вопросами собственной области» [72. Р. 1]. Бинарные оппозиции между публичным и приватным, местечковым и международным занимали центральное место в спорах о надлежащих пределах демократического проекта. Критики, занимающие радикальные позиции относительно современной либеральной демократии, например, защищали и расширение, и углубление демократического порядка, охватывающего приватные сферы частной жизни (household) и занятости (workplace) (Held). Все же до сравнительно недавнего времени теоретики редко осмеливались рассматривать демократию вне государства, поскольку преобладающая ортодоксия предполагала категориальное различие между моральной областью суверенного политического сообщества и аморальной сферой общества анархии, между местечковыми и международными областями деятельности, соответственно [14, 78]. Как результат, теоретики современной демократии имеют тенденцию заключать в скобки общество анархии, тогда как теоретики международных отношений имеют тенденцию заключать в скобки демократию. Конечно, были исключения. Интернационализм классического либерализма, выраженный в идеях Дж. Бентама, В. Вильсона, и сторонников функционализма, таких как Д. Митрени, защищал более демократический международный порядок [59, 60]. Но, главным образом, только после окончания «холодной» войны в исторически разобщенной литературе по теории международных отношений и теории демократии все очаровываются идеей демократии без границ, в форме транснациональной (или глобальной) демократии [12, 38]. Этот «транснациональный поворот», как его можно описать, ясно выражает глубоко значимый сдвиг в мышлении о современном демократическом проекте, который заслуживает серьезного критического исследования.

¹ Основное содержание статьи «Transnational Democracy: Theories and Prospects» было представлено на международном семинаре «Democracy and Globalization», который проходил в Gl. Vrå Castle (Дания) 4–5 мая 2003 г. Пер. В.В. Оглезнева; под ред. В.А. Суровцева.

Делая вклад в данное критическое исследование, эта статья начинается с дискуссии о факторах, которые ускорили «транснациональный поворот». Устанавливается контекст для серьезного исследования литературы по проблемам транснациональной демократии. Во второй части данной работы идентифицируются различные оценки транснациональной демократии, коренящиеся в различных традициях демократической мысли. Критическая рефлексия над этими четырьмя современными представлениями о демократии – демократическая межгосударственность (democratic intergovernmentalism), радикальный демократический республиканизм, космополитизм и совещательная демократия – задает фундаментальные вопросы: желательна или возможна транснациональная демократия? Эти проблемы исследуются в третьей части. Реакцией на эти скептические аргументы является часть четвертая, предлагающая уверенную защиту идеи транснациональной демократии. Наконец, в пятой части мы рассматриваем перспективы проекта транснациональной демократии и размышляем над вероятностью четырех совершенно различных представлений о демократии, детально разработанных во второй части.

Глобализация и транснациональная демократия

Быстро растущее количество литературы по проблемам транснациональной демократии должно быть установлено в контексте определенных современных событий: интенсификация глобализации, «третья волна» глобальной демократизации и повышение активности межнациональных социальных движений. Эти взаимосвязанные события, значение которых сегодня оспаривается, отразились на условиях и возможностях эффективной демократии. Экономическая глобализация, утверждают многие, обострила напряженность между демократией как территориально укорененной системой правления и действием глобальных рынков и транснациональных сетей корпоративной власти. В мире, в котором даже самые мощные правительства кажутся бессильными, когда противостоят циркуляционным силам глобальных рынков или действиям транснациональных корпораций, эффективность национальной демократии ставится под вопрос. Поскольку, как замечает М. Сандел, правительства потеряли способность управлять транснациональными силами в соответствии с выраженным предпочтением их граждан, то сама сущность демократии, а именно, самоуправление, решительно скомпрометирована [67]. Кроме того, в поисках продвижения или регулирования сил глобализации, по средствам механизмов глобального и регионального управления, государства создали новые слои политической власти, которые имеют слабые демократические мандаты (credentials) и однозначное сопротивление по отношению к существующим системам национальной ответственности. При этих условиях неясно, как использовать классическую формулу Р. Даля «кто управляет?» Например, во время всеобщих выборов в Южной Корее в 1997 г., сразу после Восточноазиатского кризиса, Международный валютный фонд потребовал от обоих кандидатов на должность президента подписать конфиденциальную декларацию по соблюдению условий предложенного им спасательного финансового соглашения, независимо от результатов выборов. В эру, в которой публичная и приватная власть прояв-

ляется и осуществляется в транснациональном или даже глобальном масштабе, серьёзная оценка перспектив демократии запоздала.

Этот пересмотр демократии был также поддержан глобальным распространением либеральной демократии как системы политического правления. По сравнению с началом двадцатого столетия демократия – и либеральная представительная демократия в том числе – возникла как доминирующий признак системы национального правления по всему земному шару, по крайней мере в формальном смысле [65]. Помимо неверно понятого триумфа Ф. Фукуямы, безотносительно причин «третьей волны», демократия стала почти универсальным политическим стандартом. Конечно, для многих новых демократических государств стремление и политическая риторика далеко превосходят реализацию эффективной демократии. Общественное разочарование в избранных политических деятелях и в способности демократических правительств разбираться со многими из текущих проблем – от неравенства до экологического загрязнения – предполагает, что не все так хорошо со старыми демократиями. Несмотря на подобные недостатки, и старые, и новые демократические государства стали все более и более чувствительными к слабому демократическому мандату существующих структур глобального и регионального управления, непосредственно посягающих на интересы их граждан. Поскольку демократические государства составляли большинство в глобальных учреждениях давления, то необходимо было сделать, чтобы в таких институтах увеличилась прозрачность и ответственность [35]. Несколько иронично и то, что много новых демократических государств, которые были подвергнуты резкой критике со стороны Международного валютного фонда и Международного банка касательно требований хорошего управления, теперь проводят кампании за подобные принципы и практики, применяемые в этих цитаделях глобальной власти. Вопрос о том, как эффективно объединить международные учреждения с демократическими методами, согласно Р. Кохану, остается самым тяжелым из всех современных международных политических проблем [48].

Единственный убедительный ответ на эту проблему был представлен учреждениями гражданского общества. Глобальная общественная революция, выраженная в значительном расширении деятельности неправительственных организаций и транснациональных правозащитных групп, профсоюзных и религиозных ассоциаций и многих других, создала инфраструктуру транснационального гражданского общества [4, 53, 66]¹. Несмотря на то, что современный мир существенно нерепрезентативен, учреждения транснационального гражданского общества стали инструментом в артикуляции интересов граждан и общностей на международных форумах [3]. Но демократический мандат транснационального гражданского общества остается серьезно неоп-

¹ Конечно, идея глобального или транснационального гражданского общества остается оспариваемой. Хотя здесь предпринята попытка отнести к транснациональной сфере добровольных ассоциаций различия между государственным и негосударственным, так как некоммерческие и корпоративные сектора чрезвычайно расплывчаты. Кроме того, любая из сфер экономических отношений, исключенная из концепций гражданского общества, остается существенным пунктом разногласий между марксистскими и либеральными концепциями. (См. работы Дж. Кейна, который исключает экономическую сферу.)

ределенным. Является ли транснациональное гражданское общество существенной силой для демократизации мирового порядка или просто другой ареной, через которую привилегированные и сильные поддерживают свою глобальную гегемонию, остается спорным вопросом [4, 5, 81].

Поэтому научные размышления о нормативных принципах и потенциальных институциональных формах транснациональной демократии выражаются в делах и интересах многих разнообразных сил, заинтересованных в демократическом мандате существующих систем глобального управления. Прозрачность, ответственность и представительство – это условия, которые стали новыми просьбами (мольбами) тех, кто требуют реформы глобальных учреждений: от Организации Объединенных Наций до Международного валютного фонда и Международного банка [31, 74]. Такая политическая и дипломатическая риторика похвальна, но тем не менее ощущается отсутствие большего количества специфики. В научной литературе по вопросам глобализации и демократии произошло относительное соединение нормативных и институциональных оснований демократии вне государства. Как результат – начало теоретических обсуждений того, что могла бы подразумевать транснациональная демократия.

Теоретизирующая транснациональная демократия

В рамках увеличивающейся литературы по вопросам транснациональной демократии можно выделить четыре различные нормативные теории, а именно: демократическая межгосударственность (democratic intergovernmentalism), радикальный демократический плюрализм, космополитическая демократия и совещательная демократия. Хотя данная типология несколько условна, так как она открыта изменениям на разных основаниях, тем не менее она обеспечивает простое изображение сложного поля настолько, насколько группирует аргументы. Типологии всегда преследует опасность превратиться в карикатуру, так как очевидно, что отдельные теоретики имеют тенденцию сужать диапазон демократических традиций. Поэтому в действительности эти четыре кластера могут быть рассмотрены в качестве идеальных типов – общих синтезов нормативных аргументов и теорий, которые отражают общую концепцию фундаментальных принципов, которыми определяется транснациональная демократия. Также эта типология обеспечивает базис систематического анализа того, что поставлено на карту в дебатах о транснациональной демократии.

Общей для всех этих течений является попытка определить значение идеи транснациональной демократии и разяснить ее нормативные принципы, этические идеалы и институциональные условия, являющиеся необходимыми для ее эффективной реализации. Каждое высказывание коренится в политическом космополитизме, который стремится прописать основные принципы, структуры и практики, необходимые для построения более гуманного мирового порядка, в котором потребности наций будут превалировать над интересами государств и их геополитическими интригами [45. Р. 35, 153]¹. Поэтому космополитизм политического или морального вида должен

¹ Радикальный демократический республианизм и совещательная демократия имеют тенденцию отклонять моральный космополитизм настолько, насколько обсуждается существова-

отличаться от интернационализма, который, зарождаясь в условиях государства-коммуны, представляет собой базовые моральные и политические основы мирового порядка и стремится прежде всего к совместному сообществу государств, а не наций. Наконец, эти четыре течения разделяют убеждение в том, что в условиях современной глобализации транснациональная демократия – это необходимый, желаемый и политически выполнимый проект. Другими словами, демократия должна оцениваться вне альтернативных систем авторитарного правила. Если игнорировать эту презумпцию хоть на мгновение, то что тогда позволит различить эти несхожие концепции демократии вне границ?

Демократическая межгосударственность

На самых ранних проявлениях демократическая межгосударственность представила радикальные изменения превалирующих воззрений реальной политики на мировой порядок. От Дж. Локка, через Дж. Бентама и Дж. Ст. Милля, к В. Вильсону сущность либерально-интернационалистического проекта была сконструирована на основах международного порядка, базирующегося на правовых нормах и сотрудничестве между государствами [21]. Другие сторонники либерализма, в виде коммерческого пацифизма, Т. Пейн, Р. Кобден и Дж. Брайт считают, что торговая и международная экономическая взаимозависимость в конечном счете создали бы мир, в котором государства исчезнут навсегда [9, 42]. Однако, как доказывается, современные варианты демократической межгосударственности потеряли эту радикальную сторону, предлагающую вместо реформы трансформацию мирового порядка [52]. Но отдельные виды либерального радикализма продолжают существовать в форме ортодоксального экономического неолиберализма, и это не удивительно, ибо глубокий антагонизм к идеям глобального управления и транснациональной демократии защищает вместо этого мир освобожденных глобальных рынков.

Учитывая преобладание (в рамках теории международных отношений) либерального институционализма, вопрос о транснациональной демократии принципиально сводится к рассмотрению в терминах процедур: создание более представительных, прозрачных и ответственных международных учреждений [30, 35]. Р. Кохан, например, представляет демократию на международном уровне как форму «добровольного плюрализма при условии максимальной прозрачности» [48]. Более плюралистический мировой порядок, в соответствии с этим представлением, является также и более демократическим мировым порядком. Основа данной философии заключается в приверженности некоторым из центральных принципов классического плюрализма: акцент на политических и гражданских правах, представительство через организованное выражение интересов, распространение власти, ограничение публичной власти и господство согласия. В действительности защищается реконструкция аспектов либерально-плюралистической демократии на международном уровне, лишенной требований электоральной политики. Вместо

ние универсальных моральных принципов действия, которые применяются независимо от культурных или социальных различий. Таким образом, К. Хатчингс делает важное различие между моралью и политическим космополитизмом, мною также разделяемое. (См. также по этим проблемам работы М. Кохрана.)

партий, борющихся за голоса, резонирующее транснациональное гражданское общество через свои каналы предъявляет требования к тем, кто, в свою очередь, принимает решение, также делая их ответственными за свои действия. И «ответственность будет увеличена не только цепями официальной ответственности, но и требованием прозрачности. Официальные действия, о которых в международных организациях договариваются государственные представители, будут под наблюдением транснациональных сетей» [Там же]. Международные учреждения, таким образом, становятся аренами, в которых интересы и государств, и учреждений гражданского общества ясно сформулированы. Кроме того, они функционируют как ключ к политической структуре, в которой законными способами достигается согласие и принимаются коллективные решения. Это являет собой, в значительной степени, процедурное представление о демократии в качестве механизма законного принятия общественных решений.

Хотя существуют и другие значимые артикуляции положений либерального институционализма, среди которых самое известное место занимает сообщение Комиссии по Глобальному управлению, разделяющее вышесказанную общую приверженность к более представительному, отзывчивому и ответственному международному управлению [35, 66]. Такие идеи также преобладают и в современной мысли, касающейся реформы глобальных учреждений, от Международного валютного фонда до Всемирной торговой организации. Это не удивительно, так как демократическая межгосударственность (democratic intergovernmentalism) отражает стремления и ценности западных государств и их элиты, которые доминируют в учреждениях глобального управления. Но, как аргументирует Р. Фолк, это философия, которая предлагает ограниченное и несколько технократичное представление о транснациональной демократии [30]. Как и в случае с либеральным плюрализмом, но в более широком смысле, она терпит неудачу относительно проблемы неравенства в распределении власти, делая тем самым демократию пленником могущественных имущественных интересов. Критики классического плюрализма осознавали, что корпоративная власть искажает демократический процесс [57]. Но понимание неоплюрализма незначительно выражено в литературе по проблемам либерального интернационализма, в которой упускаются структурные неравенства в распределении власти в глобальной системе и, в частности, дисбаланс власти между учреждениями транснационального гражданского общества и глобального капитала. Защита прозрачности и ответственности недостаточна сама по себе, чтобы бороться с существующими неравенствами в доступе и влиянии. В то время как принципы прозрачности и ответственности являются необходимыми для достижения транснациональной демократии, но без механизмов обеспечения более эффективного представительства всемирных народов в политическом процессе, они остаются решительно недостаточными для ее полной реализации. В этом отношении установленное институциональное мышление вряд ли способно решить дефицит демократии, сокрушающийся глобальным управлением. Несмотря на подтверждение значения транснационального гражданского общества, либеральный интернационализм остается преимущественно западным и государствоцентричным (state-centric), так как транс-

национальная демократия была задумана как эффективное условие усиления прозрачности и ответственности международных учреждений перед национальными правительствами.

Радикальный демократический республиканизм

С точки зрения политического космополитизма, К. Хатчингс идентифицирует радикальный демократический республиканизм как проект, отказывающийся от реформизма демократической межгосударственности (democratic intergovernmentalism) в пользу прямых форм демократии и самоуправления, при условии создания альтернатив структурам управления от глобального до локального уровней [45. Р. 166ff]. К. Хатчингс решительно отвергает либерально-реформистскую позицию, потому что существующие структуры глобальных управлений включают структурную привилегированность интересов богатой и мощной космократии, одновременно исключая потребности и интересы большей части человечества. Защитники радикального демократического плюрализма, включая среди прочих Дж. Бёрнгейма, У. Конноли, Г. Патонаки и Р. Уокера, поэтому заинтересованы в нормативных основаниях «новой политики», которая включает полномочие людей и сообществ в контекст глобализирующихся структур власти [6–8, 14, 63, 78, 79]. Это обстоятельство указывает на независимость представления о демократии, поскольку ее защитники обеспокоены созданием «хороших сообществ», основанных на нормативных принципах равенства, активного гражданства, развития общего блага, гуманного управления и гармонии с естественной окружающей средой. Это – нормативное видение, которое «представляет собой нечто вроде коктейля из элементов постмодернизма, марксизма и гражданской республиканской демократической теории» [45. Р. 166-7] и стремится адаптировать понятия прямой демократии и самоуправления в соответствии с требованиями современной эпохи, в которой транснациональные и глобальные структуры власти регулируют условия повседневного сосуществования обществ и частной жизни людей во всем мире.

Радикальный демократический республиканизм – это, по существу, «перевернутая вверх дном» теория демократизации мирового порядка. Новые идеи демократической политической жизни, в противоположность старым идеям политики эмансипации, прежде всего, ясно выражены через многообразие критических социальных движений, таких, как энвайронментализм, феминизм, движение за мир, бросающих вызов власти государств и международных структур, а также гегемонии партикуляристских (либеральных) концепций «политического». В существующих глобальных учреждениях и практиках, «занимающихся политикой», не говоря уже об оспаривании традиционных границ политического (дихотомическое деление на внешнее/внутреннее, публичное/приватное, общественное/естественное), критические социальные движения понимаются как учреждения «новой прогрессивной политики». Такая политика основывается на опытах критических социальных движений, которые демонстрируют, что одна из «...многочисленных ошибок политической теории заключается в предположении, что централизованное управление властью... необходимо для гарантии политического порядка» [7]. Нет никакой причины предполагать, что

демократия и демократическая законность должны быть основаны на территориально разграниченных единицах типа этнических государств. По настоящему «реальная» демократия должна быть выражена в сопоставлении многообразия самоуправляющихся и самоорганизовывающихся общностей, составленных из различных пространственных уровней: от локального до глобального [14]. Пространственная досягаемость этих самоуправляющихся сообществ определяется географическими границами коллективных проблем или действий, которыми они стремятся управлять, хотя есть сильное предпочтение в пользу субсидиарного принципа. Транснациональная демократия в этом смысле определяется существованием множества разнообразных, со-вмещенных и пространственно дифференцированных самоуправляющихся «сообществ с пересекающейся судьбой» и множественных полномочий власти без потребности в «суверенности» или в централизованных структурах управления. В политических практиках критических социальных движений она фиксирует имманентный выход за пределы суверенного территориального государства как фундаментальной единицы демократии.

Радикальный демократический республиканизм выражает сильную приверженность к теориям прямой и представительной демократии, к тому же ограничивая неомарксистскую критику либеральной демократии (Held). Ибо демократия рассматривается как неотделимая от создания условий для эффективного участия и самоуправления, включая среди всего прочего достижение социального и экономического равенства. Кроме того, это объединение с гражданской республиканской традицией, до настоящего времени, считает, что реализация индивидуальной свободы должна быть «...встроена в пределы и поддержана (сильным) значением политического сообщества и общественной пользы» (Barns).

Защитники радикального демократического плюрализма утверждают, что эффективные условия реализации транснациональной демократии требуют создания альтернативных форм глобального управления, отсутствие которых является нарушением существующих принципов мирового порядка. Критики точно указывают на отклонения в конституировании мирового порядка [38, 45. Р. 178]. В случае оспаривания принципа господства правовых норм в глобальной политике и отклонения принципа суверенности политического сообщества сами условия демократии решительно поставлены под угрозу. Например, без концепции суверенитета трудно предусмотреть, как конкурирующие требования множества сообществ, даже в пределах тех же самых границ, могли бы обходиться без применения силы. Кроме того, при отсутствии существующего довольно несовершенного либерального мирового порядка, воплощающего (в различной степени) принципы правовых норм и нормативных ограничений на осуществление организованного насилия, можно было бы утверждать, что нет никакого безопасного основания для того, чтобы создать и развивать транснациональную демократию. Территориальная демократия, как указывает история, процветала только в условиях, где существовали правовые нормы и отсутствовало политическое насилие. Неопровержимая критика представленных аргументов радикального демократического плюрализма поэтому могла бы быть найдена в двойствен-

ном отношении к самим условиям (правовые нормы и суверенитет), которые делают демократию (на любом уровне) возможной.

Космополитическая демократия

В отличие от радикально-плюралистического направления, космополитическая демократия обращает особое внимание на институциональные и политические условия, которые являются необходимыми для проведения эффективного демократического управления в пределах, между и помимо государств. Д. Хелд предлагает самую изощренную формулировку развития космополитической демократии, которая, полагаясь на существующие принципы либерального международного порядка (например, на принцип господства права и права человека), включает в себя создание нового глобального конституционного регулирования, в котором твердо установлены демократические принципы [38]. Защищая «двойную демократизацию» политической жизни, сторонники космополитической демократии стремятся вывести демократию за пределы государства, расширяя распространение демократии на публичную сферу между и помимо государств. В этом отношении транснациональная демократия и территориальная демократия рассматриваются как взаимно усиливающие, а не конфликтующие принципы политического правила. Космополитическая демократия в действительности требует «политического порядка в демократических объединениях, городах и нациях так же, как и в региональных и глобальных сетях» [38. Р. 234].

В центре этой модели находится принцип демократической автономии, а именно, «право на автономию в пределах ограничений, установленных обществом» [38. Р. 156]. Это должно быть гарантировано требованиями космополитического демократического права, то есть закона, устанавливающего «...полномочия и ограничения, права и обязанности, которые превышают требования национального государства» [40. Р. 70]. Соответственно, принцип демократической автономии зависит от «...истэблишмента международного сообщества демократических государств, который обязан поддерживать демократическое публичное право в пределах и помимо их собственных границ и создать космополитическое демократическое общество» [38. Р. 229]. Это не предполагает требовательности ни в отношении мирового правительства, ни федеральной сверхдержавы, но скорее для учреждений «...глобальной и разделенной системы власти – системы разнообразных и совмещенных центров власти, сформированных и разграниченных согласно демократическому закону» [38. Р. 234]. Космополитическая демократия включает в себя гетерархический консенсус, а не иерархию политической власти, как локальной, так и глобальной. Концептуально она находится между понятием «федерализм» и намного более свободным устройством, подразумеваемым понятием «конфедерализм» – что некоторые назвали бы Филадельфийской системой [18]. Ибо она требует «...подчинения региональных, национальных и местных «суверенитетов» всеохватывающей правовой структуре, но в пределах этой системы могут существовать самоуправляющиеся ассоциации на разнообразных уровнях» [38. Р. 234]. Поэтому укрепление космополитической демократии влечет за собой процесс *реконструкции* существующей структуры глобального управления.

Сущностью реализации данной демократической реконструкции, как утверждается, является требование, что демократические методы должны быть более всесторонне встроены «...в сообщества и гражданские ассоциации посредством разработки и укрепления демократии «извне» через сеть региональных и международных агентств и собраний» [38. Р. 237]. Только через такие механизмы глобальные участки и транснациональные сети власти, которые теперь избегают эффективного национального демократического контроля, будут привлечены к ответу, устанавливая политические условия, реализующие демократическую автономию должным образом.

Космополитическая демократия предъясвляет огромные амбиции для реконфигурации структуры глобального управления и мирового порядка. Ее генеалогия эклектична, поскольку требует важной непрерывности в разнобразии традиций демократической мысли. Воодушевившись значительным влиянием современных теорий либеральной демократии, она также испытала влияние критической теории, теории демократии участия и гражданского республиканизма. Отличие от демократической межгосударственности (*democratic intergovernmentalism*) заключается в радикальной программе и скептицизме к примату государствоцентричных и процедурных понятий демократии. Принятие важной роли прогрессивных транснациональных социальных сил отличается от радикальной плюралистической демократии ее отношением к централизованности правовых норм и конституционализму как необходимых условий для учреждения более демократического мирового порядка. Но идея космополитической демократии не остается без критики.

М. Сандел акцентирует внимание на этической сфере, указывающей понятиям космополитической демократии, что «...в наше время они недостаточны для самоуправления и как моральные идеалы, и как общественная философия» [67. Р. 342]. Он оспаривает то, что в основе космополитизма лежит либеральная концепция прав человека, которая пренебрежительно относится к путям, благодаря которым люди, их интересы и ценности «встроены» в сообщества, членами которых они являются. Соответственно, демократия может процветать только при создании демократического сообщества с общей гражданской идентичностью. По мнению Л. Брауна, глобализация пока не создает ощущения универсальной связности, а порождает эквивалентное чувство, что сообщества основаны на разделенных ценностях и верованиях (Brown). И не может быть доказано, утверждают теоретики космополитической демократии, представляя убедительные доводы, что должны быть произведены этические и культурные ресурсы, необходимые для ее эффективной реализации. Также подвергается критике своего рода возвышение идущей на убыль попытки восстановления конституции глобального управления по более демократическим линиям, воспринимаемым как ключ к пониманию транснациональной демократии. Такая вера в новую конституцию глобального управления, однако, опускает врожденные напряженные отношения, которые существуют между демократическим импульсом и логикой конституционных ограничений того, что может сделать народ [68]. Дж. Томпсон указывает, что неясно, как в этой многослойной системе глобального управления, которой подведомственны конфликты между различными слоями политических полномочий, возможно урегулировать или защищаться демокра-

тическими средствами, не говоря уже о том, как ответственность в такой системе может быть более эффективной [75]. Это порождает важные проблемы согласия и законности. Поскольку Дж. Томпсон утверждает, что эта проблема является одной из «огромного множества» таких же проблем, то «никакое большинство не имеет исключительного и всеохватывающего права требовать демократической законности» [Там же]. Кроме того, он утверждает, что космополитическая демократия будет служить только усилению напряженности в отношениях между демократией и защитой индивидуальных прав, начиная с прав требования, и может преследоваться международными властями, стимулирующими легитимность, демократически санкционируемую местной политикой или решениями [Там же]. Наконец, Г. Патомаки и К. Хатчингс предлагают, что в предположении общезначимости ценностей западных демократий проект космополитической демократии становится уязвимым перед обвинениями в легитимировании нового способа империализма [45. Р. 177; 63].

Совещательная (дискурсивная) демократия¹

Единственная попытка, заслуживающая сочувствия, обращающаяся к части критики, присущей как космополитическому, так и радикальному демократическому проекту, может быть найдена в работах по вопросам совещательной демократии и в связанных с ней концепциях «стейкхолдинг» демократии [18, 23, 25, 75]. Вместо того чтобы предлагать новое конституционное урегулирование глобальной формы правления или создание альтернативных структур глобального управления, защитники совещательной демократии увлечены объяснением «возможностей демократизации управления действительно существующих в международной системе, а не в государственном управлении» [25. Р. 120]. Сторонники концепции совещательной демократии интересуются дискурсивными источниками существующих систем глобального управления и ролью транснационального гражданского общества «в установлении совещательного демократического контроля над условиями политического дискурса и действиями управления в международной системе» [25. Р. 138]. В действительности их интересуют принципы и необходимые условия создания подлинной транснациональной публичной сферы демократического дискурса. Эти принципы включают недоминирование, участие, общественное обсуждение, ответственное управление и право «участия всех» в публичных решениях, которые затрагивают их благосостояние или интересы [23, 64, 68. Р. 64–65]. Дж. Драйзик утверждает, что реализация транснациональной демократии зависит от признания того, что «сущность демократической законности обнаруживается не в голосовании или представительстве... А скорее в обсуждении» [24].

Хотя защитники совещательной демократии не умаляют ценность либеральных достижений институциональной реформы глобального управления или космополитического требования демократической конституции для миро-

¹ Дж. Драйзик различает совещательную и дискурсивную модели демократии. Последняя представляет собой более радикальную концепцию совещательной демократии, стремящуюся выйти за пределы своего происхождения в либеральной и критической теории. Однако для простоты понимания обе версии используются здесь взаимозаменяемо.

вого порядка, оба эти видения рассматриваются сами по себе как недостаточные для основания транснациональной демократии. Вместо этого идеалы совещательства рассчитывают на создание «ассоциации, делами которой управляют члены общественного обсуждения» (цит. по: [68. Р. 64]). Это влечет за собой, как утверждают ее защитники, культивирование транснациональных общественных сфер. Рациональное и информационное обсуждение среди всех затронутых, а не просто декларативных интересов в рассматриваемом вопросе, в конечном счете, связано с реализацией общественного блага. Этот вывод существенно отличается от того, что предлагает концепция либерально-плюралистической демократии, в которой достижение согласия среди выраженных интересов и предпочтений граждан или организованных интересов взято в качестве превалирующих в принятии общественных решений [23, 64, 68. Р. 64]. Кроме того, общественные власти, как ожидается, объяснят свои поступки, то есть находящийся под влиянием должен иметь право оспорить такие действия, потому что управление расценивается как демократическое только «...до степени, когда люди индивидуально или все вместе наслаждаются постоянной возможностью оспорить то, что решит правительство» [64. Р. 185]. Соответственно, совещательная демократия нуждается в информированных и активных гражданах, а также в энергичном поощрении тех прав и условий, которые необходимы для реализации их полномочий [64]. Если учесть значение принципа «участия всех», то критерии и процедуры включения в совещательный политический процесс становятся критическими.

Центральным аргументом теории совещательной демократии является принцип «стейкхолдинг», означающий, что все находится под влиянием решений общественных властей, которые имеют право на голос в управлении делами [7, 19, 26, 69]. Поэтому в любом результате членство в релевантном совещательном обществе является зависящим от определенной конфигурации принципов «стейкхолдинга», которые является тем, чьи интересы или материальные условия прямо или косвенно вовлечены в осуществление общественной власти. В действительности процесс обсуждения становится сам по себе конституирующим принципом релевантного совещательного общества [75]. Эта рефлексивность, утверждают его защитники, делает совещательную демократию превосходно подходящей для мира, в котором пересекаются судьбы сообществ и в котором организация и осуществление власти больше не совпадают с ограниченным территориальным политическим сообществом [24, 26]. В отличие от положений либерально-представительной демократии, в которых нация определена относительно неподвижных территориальных границ, совещательная демократия предполагает в значительной степени функциональную или системную концепцию свободной нации, существовавшей до территориальных, культурных или человеческих границ. Как отмечает Дж. Драйзик, «обсуждение... может установить подвижные границы и получать результаты за рамками границ. Ибо мы можем искать демократию в свойствах политического взаимодействия... не волнуясь о том, действительно ли оно ограничено специфическими территориальными субъектами» [25. Р. 129].

Защитники совещательной демократии утверждают, что предлагается ряд принципов, на которых может быть построена охватывающая, отзывчи-

вая и ответственная транснациональная демократия. Все больше ортодоксальных вариантов стремятся особо подчеркнуть ее реформистские амбиции, поскольку обсуждение задумано в качестве механизма увеличения демократической легитимации общественного принятия решения как на локальном, так и на глобальном уровне [68]. В отличие от этого, более радикальные проявления придают большое значение потенциалу, поддающемуся трансформации до такой степени, что возникает озабоченность соревнованием глобальных институциональных программ, бросающих вызов необъяснимым участкам транснациональной власти, и уполномочиванием прогрессивных сил транснационального гражданского общества [24, 26]. Эта напряженность между скорее процедурной, в противоположность субстантивной, интерпретацией совещательной демократии возникает из ее эклектичных философских истоков, которые включают традиции критической теории, дискурсивный анализ, республиканизм, партиципативную и прямую демократии.

Критики совещательной демократии утверждают, что это не дискретная модель демократии, чтобы быть механизмом для разрешения и легитимации публичных решений. В этом контексте представляют ценность только установленные демократические структуры [68]. Эта критика обоснована, если только является сфокусированной на транснациональной, местной или национальной демократии. Кроме того, несмотря на акцент, в дискурсе, как это ни парадоксально, имеется тенденция упускать проблемы, в которых язык и культурное многообразие являются основой для конструирования подлинной транснациональной совещательной публичной сферы. Этого нельзя просто возжелать, как технического предмета перевода, но, наоборот, возникают серьезные проблемы о роли языка и культуры в определении условий возможности подлинного политического обсуждения [49]. Действительно, акцент на самоорганизации гарантирует, что процедурные требования и установленные условия эффективного обсуждения останутся несколько неопределенно обусловленными. Наконец, есть значительное безмолвие в отношении того, как антагонистические конфликты интересов или ценностей могут быть урегулированы без умышленного обращения к некоторым внушающим авторитет решениям. В этом отношении совещательная демократия может быть представлена в качестве крайней ценности, имеющей дело со многими из самых неотложных глобальных дистрибутивных проблем или проблем безопасности (от ослабления долговой нагрузки до гуманитарной интервенции соответственно), которые фигурируют на мировой политической повестке дня. Как и каждая из теорий транснациональной демократии, рассмотренных выше, совещательная демократия также уязвима перед более фундаментальным критическим анализом.

Транснациональная демократия: предпочтительна или желательна?

Безотносительно интеллектуальных достоинств любого специфического проекта транснациональной демократии серьезный скептицизм был высказан о предпочтительности и желательности этой идеи. Коммунитаризм, реализм и некоторые другие радикальные критические направления выступают против многих важных оснований, защищаемых сторонниками транснациональной демократии: теоретическими, институциональными, историческими и этическими.

Представителей политического коммунитаризма, типа У. Кимлики, не убеждают космополитические предпосылки, составляющие теории транснациональной демократии. Демократия, утверждает У. Кимлика, должна корениться в общей истории, языке или политической культуре, которые являются существенными особенностями современных территориальных политических сообществ [49]. Все эти особенности более или менее отсутствуют на транснациональном уровне. Несмотря на путь глобализации, связывающей судьбу сообществ воедино, действительность состоит в том, что «единственный форум, в котором встречается подлинная демократия, находится в пределах национальных границ» [Там же]. Даже в пределах Европейского союза транснациональная демократия не больше, чем элитарный феномен [Там же]. Если нет никакой эффективной морали в сообществе вне государства, то там и не может быть, в этой связи, никакой подлинной нации. Конечно, защитники транснациональной демократии утверждают, что политические сообщества трансформируются глобализацией так, как закреплена идея нации, что территориально разграниченная единица больше не является надежной [51]. Однако проблематизирующие таким образом нацию скептики ставят критический вопрос о том, кто или какое учреждение решает, как нация должна быть конституирована и на каком основании? Без такой определенной спецификации принципов, из которых должна быть составлена нация, трудно представить, каким образом транснациональная демократия могла бы быть институционализирована или обязательно обеспечивала бы базис для более представительного, законного и ответственного глобального управления. Будучи не в состоянии ответить на этот вопрос теоретически строгим или убедительным аргументом, предложенным скептиками, защитники транснациональной демократии ставят под сомнение правдоподобие их проекта [17, 34, 49, 68].

Для политических реалистов суверенитет и анархия представляют собой наиболее непреодолимые барьеры для реализации демократии вне границ. Хотя могут существовать элементы международного сообщества государств, в которых на глобальном уровне признаются господство права и согласованность международных норм и порядка. Поэтому предложения реалистов остаются скорее случайными, чем устойчивыми. Конфликт и сила всегда присутствуют и обыденны во многих регионах мира. Но это не есть условия, при которых любой независимый демократический эксперимент является возможным для процветания, так как функционирование демократии устойчиво требует отсутствия политического насилия и господства права. В отношениях между суверенными государствами всегда возможны и организация насилия, и господство права, в значительной степени выраженные в реальной политике. Международный порядок – это всегда порядок, установленный наиболее сильными государствами для самих себя. В этом отношении глобальное управление является просто синонимом западной гегемонии до тех пор, пока международные учреждения остаются пленниками доминирующих сил. Государства действуют стратегически в отношении поощрения международного управления только там, где увеличивается их автономия или обходится внутреннее рассмотрение чувствительных проблем, образующих таким образом политической императив, наносящий ущерб демо-

кратизации глобального управления [82]. Короче, условия реализации демократической гегемонии или некоторых альтернативных форм мировой федерации демократических государств, культивирующих транснациональную демократию, следовательно, являются теоретически и фактически невероятными. Некоторые суверенные демократические государства, вероятно, будут разменивать национальное самоуправление в пользу более демократического мирового порядка, тогда как авторитарное государство даже не рассматривало бы это как проект. Таким образом, транснациональная демократия остается для реалистов просто утопическим идеалом.

Даже если транснациональная демократия была бы более предпочтительным идеалом, многие скептики сделали бы вывод, что ее достижение с политической и этической точки зрения нежелательно [17, 34, 43, 54, 84]. В основе теорий транснациональной демократии содержится неразрешимый конфликт между нормативным обязательством к эффективной национальной демократии и желанием демократии вне государства. Эта дилемма вырастает из того факта, что и демократические методы, и решения имеют огромный потенциал для отвержения или отрицания демократических мандатов и требований в отношении другого. Во многих зрелых демократических государствах эта дилемма разрешается при помощи конституционных механизмов, но на международной арене они отсутствуют. Выразительная иллюстрация этой дилеммы касается «демократического» вмешательства ЕС в австрийскую политику после избирательного успеха в начале 2000 г. ЕС всем угрожал отказать в официальном признании любого коалиционного правительства, в котором присутствовал бы мистер Хайдер, лидер главной националистической партии, несмотря на демократически выраженное предпочтение австрийского электората. Безотносительно этики этого специфического случая, общий смысл заключается в том, что транснациональная демократия имеет потенциал, способный погасить эффективное самоуправление на локальном или национальном уровнях [45. Р. 166]. Без эффективных гарантий, которые в отсутствие глобальной конституции не могут быть институционально обоснованы, опасность транснациональной демократии состоит в том, что она восприимчива к побуждениям грубого большинства, которое способно отрицать законные демократические права и желания (национальных) меньшинств. Наоборот, без установленной способности придавать силу демократическому желанию большинства против закрепленных интересов великих держав день становления транснациональной демократии просто становится заложником интересов самых могущественных геополитических сил. Именно в этом заключается, как кажется, парадокс транснациональной демократии, а именно: способность претворять желание транснациональной демократии в самые мощные геополитические и транснациональные социальные силы демократии вне государства совсем необязательна, но все же само существование такой способности создает реальную возможность для тирании транснациональной демократии, подрывающей, таким образом, желательность демократического идеала.

Это происходит отчасти по некоторым причинам, что более радикальные или прогрессивные убеждения одинаково скрывают существенные сомнения в желательности транснациональной демократии. Среди некоторых ради-

кальных критиков сама идея транснациональной демократии рассматривается, как скрытый новый инструмент западной гегемонии [5, 29]. Как и с философией «хорошего управления», провозглашенной правительствами «большой семерки» и многосторонними учреждениями, принимается во внимание, прежде всего, преобладание Запада. Другими словами, есть несколько конструкций транснациональной демократии, которые обнаруживаются среди угнетенных в Африке, Азии и Латинской Америке [11]. Для большей части человечества это – отвлечение от самых неотложных глобальных проблем: СПИДа, голода, опустынивания территорий и бедности. Как выразились представители ПРООН, наиболее неотложная проблема для человечества заключается в том, как придать глобализации человеческое лицо [77]. В этом контексте транснациональная демократия может быть полнотью несоответствующей и неуместной, но дающей ответ, как критическая проблема может гарантировать, что глобальные рынки и глобальный капитал будут работать в интересах большинства народов мира, не разрушая естественную окружающую среду [5, 15]. Демократизация глобального управления, даже если это было бы выполнимо, может быть более предпочтительной для усиления и легитимирования гегемонии глобального капитала, чем для оспаривания захвата рычагов глобальной власти [5, 33]. Историческое свидетельство передовых капиталистических обществ, утверждают скептики, указывает на то, как императивы капитализма превосходят действия демократии [58]. Именно там находится предполагаемая судьба транснациональной демократии. Ускоряющееся глобальное неравенство и вырисовывающаяся экологическая катастрофа просто не могут быть решены дозированным применением транснациональной демократии. Напротив, как предлагает П. Хирст, необходимы мощные и эффективные, а не демократические глобальные организации, которые могут поставить под сомнение укоренившиеся интересы глобального капитала, продвигая общее благосостояние – социальную демократию – на глобальном уровне [43, 44]. Наоборот, разрушение глобального управления и передачи власти к самоуправляющимся, устойчивым местным сообществам – это стратегия, одобренная радикалами *green persuasion* [22, 50]. И политические, и этические основания скептически по отношению к прогрессивному взгляду, полагающему, что транснациональная демократия будет некорректным проектом. Соответственно, этическое предпочтение для многих радикальных критиков усиливает существующие системы социального демократического управления и новые формы партиципативной демократии в сферах, не регулируемых государством [61]. Поэтому реальная демократия для этих скептиков всегда является местечковой (национальной) демократией.

Есть серьезные причины критически осмыслить релевантность, предпочтительность и желательность транснациональной демократии. Доля различных скептических аргументов указывает на то, что смысл транснациональной демократии заключается в том, что ни один соответствующий ответ на глобализацию или проект глобализации, как предполагают ее защитники, не является этически и теоретически убедительным. Напротив, это чревато теоретическими недостатками и практическими опасностями. Как предлагает Р. Даль, наименьшей является опасность общественного контроля вопросов

экономической жизни и военной безопасности [17]. Кроме того, развитие национальной (территориальной) демократии было настоятельно связано с силой и насилием, поэтому история современной демократии иллюстрирует ее даже в пределах контекста разделенной политической культуры как отчетливо хрупкую систему правил [17]. В мире культурного разнообразия и растущего неравенства возможность понимания транснациональной демократии поэтому должна быть оценена как незначительная без любого ее убедительного навязывания любым соглашением демократических государств или мягкой демократической гегемонией. Не удивительно, что для большинства скептиков самоуправление в пределах государств (демократических или недемократических) считается этически предпочтительным для возможной тирании более демократического глобального правления.

Можно ли отвергнуть транснациональную демократию?

Защитники транснациональной демократии обвиняют скептиков в слишком поспешном отклонении теоретических, этических и эмпирических аргументов, составляющих их проекты демократии без границ. Более определенно, утверждают они, обесцениваются важные политические преобразования, вызываемые усиливающейся глобализацией и регионализацией; скептики особенно неправильно истолковывают возможности значимых политических изменений по отношению к более демократическому мировому порядку [10, 12, 28, 40, 51, 61]. Эти трансформации, в конечном счете, изменяют условия, которые делают возможными суверенные, территориальные, самоуправляющиеся политические сообщества, поскольку в мире глобальных изменений локальное и глобальное, внутренне и внешнее в значительной степени неразличимы. Отрицать такие обстоятельства означает утратить способность оценивать с точки зрения вечности сущность концепции современной государственности и политического сообщества и игнорировать ее историческую и социально построенную природу [20, 51].

Современные политические сообщества являются историческими и социальными конструкциями. Их специфическая форма, совпадающая с территориальной досягаемостью «предполагаемого сообщества» наций, является продуктом специфических условий и сил. Эта форма определяет метрическую систему, по которой измеряется единица современной демократии. Исторически государство было первичным инкубатором современной демократической жизни. Но, как замечает А. Линклетер, политические сообщества никогда не были статическими, неизменно созданными, а всегда были в процессе конструкции и реконструкции [51]. Поскольку глобализация и регионализация стали усиливаться, современные политические сообщества начали испытывать существенную трансформацию: появляются новые формы политических сообществ [Там же]. Согласно Д. Хелду, национальные политические сообщества сосуществуют сегодня рядом с «пересекающимися судьбами сообществ», определяемых пространственной досягаемостью транснациональных сетей, систем гражданства и проблем [39]. В терминологии С. Уолцера, они могут быть задуманы как «тонкие» сообщества, в противоположность «толстым» сообществам локального типа и нациям-государствам. Тем не менее национальные сообщества представляют собой

необходимые этические и предварительные политические условия для культивирования транснациональной демократии. В основном они перекрывают судьбы сообществ, определяемые как контуры новых возможных транснациональных артикуляций нации.

Как отмечено, критики транснациональной демократии обвиняют ее защитников в том, что они предпочтительнее применяют неопределенную концепцию народа. Это обвинение, однако, не учитывает недетерминированный и сконструированный характер современного (национального) народа самого по себе. Для устройства народа в своих пределах нации-государства всегда были объектом оспаривания (о чем свидетельствует борьба за голоса женщин и текущие споры о гражданстве) и развивались исторически в ответ на изменение социальных и политических условий. Это предполагает, вопреки скептическому аргументу, что нация не является некоей преобразуемой политической сущностью, которая предшествует демократическому развитию, но, напротив, она самостоятельно конституируется благодаря процессам демократизации [51]. Начиная с классической греческой демократии, конституирование народа является всегда проблематичным и случайным [68]. Этот аргумент внушает доверие утверждениям защитников транснациональной демократии, что неопределенная природа народа в их планах не ослабляет правдоподобие или теоретическую последовательность их проекта. Не рассматривая «космополитическую нацию» как единичную, предопределенную и универсальную сущность – унифицированную мировую нацию, литература по транснациональной демократии подчеркивает комплексную, подвижную и многослойную конструкцию, ясно сформулированную в разнообразии наборов отношений к множеству участников глобальной власти и структуры глобального управления [1, 24, 36, 37, 39, 51, 61, 75, 78, 85]. Такая концепция, как подтверждено опытом ЕС и федеративных государств, является, конечно, исторически беспрецедентной. К тому же так называемая загадка народа в теориях транснациональной демократии не является фатальным недостатком, как хотелось бы многим скептикам.

Центральным пунктом в учреждении политических сообществ вне государства является рост институционализации транснациональных общественных сфер, как некоторые утверждают, благодаря росту конституционализации мирового порядка [27, 33]. Накопление многосторонних, региональных и транснациональных мер (которые развились в последнее пятидесятилетие) создало неписаную конституцию глобального государства. В поисках управления и регулирования трансграничных проблем государства стремились упорядочивать соответствующие полномочия и власть через соглашения и другие меры. При этом они институционализировали сложную систему правил, прав и обязанностей для управления их общими делами. Дальше всего это пошло в ЕС, где появилась эффективная квазифедеральная конституция. Но в другом случае, как в ВТО, власть национальных правительств пересматривается: управление торговыми спорами становится подчиненным правовым нормам [73].

Связанные с этой институционализацией в пределах общества государств были разработаны и укреплены некоторые существенные демократические принципы [16]. Таким образом, самоопределение, народный сувере-

нитет, демократическая законность, юридическое равенство государств стали ортодоксальными принципами международного общества. Как комментирует Дж. Майал, происходило «укрепление не только непосредственно демократии, но и демократических ценностей, как стандарта из законности в пределах международного сообщества» [54]. В последние годы эта демократизация международного сообщества также ускоряется в ответ на процессы глобализации, действия межнационального гражданского общества и социальной динамики расширяющегося сообщества демократических государств. Несмотря на ее неравномерность и недолговечность, она предстает объединенной с конституционализацией мирового порядка «подгонкой» необходимых исторических условий – создание «зон мира» и господства права – для культивирования транснациональной демократии [38].

Дальнейшее свидетельство этого процесса демократизации должно быть обнаружено в возрастающей политической реакции многих правительств и учреждений транснационального гражданского общества на последствия экономической глобализации [62, 70]. Такие ответы ясно показывают не только разнообразные пути, но и общее стремление прогрессивных политических сил и являются системой ответственного, отзывчивого и прозрачного глобального управления. Наряду с ростом восприятия, что власть ускользает от демократических государств и избирателей к неизбранному и фактически неподотчетному глобальным органам (например, ВТО), прибавилось увеличивающееся политическое давление на правительства «большой восьмерки», чтобы привести в соответствие хорошее управление с глобальным управлением [83]. Но более широкий глобальный консенсус, по-видимому, проявляется вследствие потребности в подобной реформе, прорисовывая некоторую политическую поддержку от различия Севера и Юга и среди разнообразных сообществ транснационального гражданского общества. Конечно, демократия включает больше, чем просто прозрачное и ответственное принятие решений. Любопытно отметить, что споры, касающиеся этой реформы, значительно очерчивают несколько тем транснациональной демократии (демократическая межгосударственность, совещательная, радикальная и космополитическая демократии), указанных выше. Например, в контексте ВТО язык «стейкхолдинг» весьма очевиден; хотя удивительно, что и в правительстве США, и в гражданском обществе предлагают его реформу [55, 73]. Но безотнositельно непосредственных результатов текущего процесса реформы это твердо закрепило проблему демократических мандатов международного управления на глобальной повестке дня. При этом транснациональная общественная сфера была создана в пределах, в которых соединились серьезное политическое размышление и дебаты по законности глобального управления.

Конечно, для скептиков типа Р. Даля эти события не лишают законной силы нормативный аргумент, касающийся того, что международные учреждения не могут быть действительно демократичными [17]. Все же, как указывают защитники транснациональной демократии, это должно полностью игнорировать существенные примеры международных или сверхгосударственных учреждений, от ЕС до МОТ, чьи установленные проекты отражают новые комбинации традиционных межправительственных и демократиче-

ских принципов [83]. Несмотря на то, что ЕС представляет собой выдающуюся институционализацию, отличительную форму от демократии вне границ, однако это ни в коем случае не является уникальным. Например, Международная лейбористская организация институционализировала ограниченную форму «стейкхолдинг» через трехстороннюю систему представительства, соответствующего государствам, деловым и трудовым организациям. Вне этих более новых международных функциональных учреждений, типа Международного фонда сельскохозяйственного развития и глобальной экологической системы воплощаются принципы «стейкхолдинг» как средство, гарантирующее представительное принятие решения [83]. Кроме того, виртуально все главные международные учреждения стали открытыми для формального или неформального участия представителей гражданского общества [81]. Даже ВТО имеет созданный гражданский общественный форум. Скептическое суждение, что эффективное международное управление просто несовместимо с демократическими методами, кажется несколько лицемерным в свете исторических описаний глобального управления. Напротив, в определенных отношениях основные демократические принципы созданы из существующих глобальных и региональных систем управления.

Наконец, по вопросу ценности транснациональной демократии социалистические критические анализы поднимают серьезную проблему, касающуюся того, можно ли доверять демократии в реализации большего глобального социального правосудия. В отношении либеральной демократии в национальном контексте историческое свидетельство проявляется несколько смешанно. В противоположность защита транснациональной демократии начинается с весьма отличного понимания (исторического и концептуального) отношений между капитализмом как основным двигателем глобального неравенства и несправедливости и демократией. Подобное понимание осознает неизбежные противоречия между логикой капитализма и логикой демократии. Вследствие этого происходит уклонение от фатализма многих структурных марксистских и радикальных критических анализов в утверждении и на теоретических, и на исторических основаниях, для которых транснациональная демократия – необходимое требование реализации глобального социального правосудия [38, 61]. История европейской социальной демократии, смягченная капитализмом, берется как важное обстоятельство. Соответственно, подобное положение транснациональной демократии неотделимо от аргумента за глобальное социальное правосудие. Действительно, ценность транснациональной демократии предлагают самые ярые защитники, точно находят в ее способности обеспечивать законные механизмы и основания для обуздания власти глобального капитала, таким образом, содействовать распространению и потенциальной реализации условий большего глобального социального правосудия [38]. Эти существующие учреждения глобального управления терпят неудачу в этом вопросе, что неудивительно, поскольку они – пленники доминирующих экономических интересов [15, 33]. Однако для сторонников транснациональной демократии, в противоположность оппонентам, защищающимся больше энергично, это не имеющие силу основания для того, чтобы покинуть свой проект.

На пути к демократическому глобальному государству?

Если идея транснациональной демократии не может быть так легко отклонена, тогда необходимо обратиться к перспективам ее реализации. Это подразумевает рассмотрение двух проблем: степень, с которой возможно идентифицировать постоянные тенденции в глобальной политике, обеспечивающая условия для ее потенциальной реализации, и степень, с которой любая из теорий транснациональной демократии обеспечивает вероятное или достоверное основание условий ее возможности [45]. С необходимостью они являются проблемами, которые, вероятно, порождают радикально расходящиеся выводы, поскольку привлекают спекулятивные суждения и неотделимы от первичных этических убеждений.

Несмотря на убедительный мандат скептического обстоятельства, есть большие основания согласиться с мнением защитников транснациональной демократии в том, что осторожный оптимизм в этом вопросе оправдан. Глобализация и регионализация стимулируют мощные политические реакции, которые в их более прогрессивных проявлениях породили беспрецедентные общественные дискуссии о демократических мандатах управления вне государства [2, 24, 36, 54, 70, 83]. Недавний Восточно-азиатский кризис и сражение в Сизтле свидетельствуют о появлении глобального согласия относительно потребности в более эффективном регулировании глобальных финансовых рынков и глобального капитала [46, 76, 77]. Вашингтонское соглашение, защищающее освобожденный глобальный капитализм, больше не кажется настолько безопасным или главенствующим [56]. Регулирование глобализации стало основной политической проблемой, и это в свою очередь повлекло много обсуждений о точной форме, которую должно принять такое регулирование, как и информирующие об этом нормативные принципы и ценности. Реформа главных учреждений глобального управления, как недавно было обозначено на саммите Тысячелетия ООН, теперь стоит на мировой политической повестке дня [83]. Прозрачность, ответственность, участие и законность быстро становятся ценностями, связанными с доминирующими дискуссиями об этой реформе. Прогрессивные элементы транснационального гражданского общества организуются и мобилизуются для утверждения политического давления на правительства и учреждения с целью выполнения реформы, стоящей на повестке дня. Понятые в более широком контексте демократизации международного общества (обсужденной выше), эти недавние политические события приобретают намного большее политическое значение. Общепризнанность потенциала окончательного отказа или косметического преобразования существующей конъюнктуры, отмена гегемонии неолиберализма, живучесть транснационального гражданского общества, срочные требования эффективного и законного регионального и глобального управления и распространяющихся демократических ценностей и стремлений подтверждаются оптимистическим заключением Дж. Драйзика: перспективы транснационального демократического проекта являются «...по разным причинам более уверенными, чем когда-либо прежде» [25. Р. 139]. Это не обесценивает или упрощает ни встречные тенденции и силы, ни пределы демократической реформы, а просто признает, что современные события составляют благоприятные условия для порождения развития к более

ответственным и демократическим формам глобального управления. Конечно, это оставляет открытым более интересный вопрос о вероятной траектории демократической реформы.

Было бы неуместным ожидать, что любая из четырех основных теорий транснациональной демократии, рассмотренных выше, могла бы предложить убедительную или вероятную оценку возможной траектории демократической реформы. Как и в нормативных теориях, каждая из функций, прежде всего, устанавливает и принципы транснациональной демократии, и необходимые условия для ее существования. В сущности эти течения отражают различные концепции демократии, которые локализованы в пределах весьма различных, но иногда пересекающихся традиций демократической мысли. Какой проект транснациональной демократии лучше обеспечивается – предполагается существование некоторых объективных критериев, благодаря которым такое суждение могло бы быть сделано, – более подходящий и интересный вопрос. Любая из этих теорий обеспечивает убеждение и последовательное описание возможностей глобальной политики, теперь формирующих их этические и политические условия для ее собственной реализации.

Так как это утверждение в значительной степени совместимо с существующим либеральным мировым порядком и ценностями доминирующих западных государств и элит демократической межгосударственности, то может появиться самый вероятный путь к транснациональной демократии. Современные обсуждения реформы глобального управления, свидетельствующие о приоритете предоставления ответственности и прозрачности, доминируют в дискурсе демократической межгосударственности. Однако это очень ограниченная процедурная концепция демократии, которая является статистической и универсальной в своих предположениях. Для многих прогрессивных социальных сил это именно та преобладающая ортодоксия, которую политические дебаты, окружающие реформу глобального управления, стремятся превзойти. Другими словами, это стремление относится, прежде всего, к демократии государств – международной демократии, а не к демократии наций – транснациональной демократии. В отличие от этого, более подающиеся трансформации стремления радикально-плюралистической демократии, поддержанной трансверсальной политикой новых социальных движений, запятнаны отказом установиться теоретически или исторически, так как в отсутствие любой верховной власти или правовых норм транснациональная демократия может быть понята или институционализована. В чрезвычайно децентрализованном мировом порядке, в котором преобладали самоуправляющиеся сообщества, условия для развития подлинной транснациональной общественной сферы или демократизации глобального управления, по-видимому, были бы устранены. Почему такой порядок с необходимостью порождал бы транснациональную демократию, в противоположность тирании сообщества, далеко не ясно. В этих отношениях радикально-плюралистической демократии не хватает убедительности в изложении условий собственной реализации.

И наоборот, теории космополитической и совещательной демократии предоставляют более систематическое и убедительное описание своих собственных условий возможности. Являясь нормативно амбициозными и ради-

кальными, каждая из них стремится к преобразованию мирового порядка, в направлении демократического сообщества из государств и народов и тем не менее глубоко осознает мощь структурных и экономических сил, препятствующих перспективам транснациональной демократии. Оба эти направления проводят строгий учет необходимых предварительных условий и процессов, являющихся причиной демократизации мирового порядка. В этих отношениях они могут рассматриваться как дополняющие друг друга описания транснациональной демократии, принимая во внимание, что первичные проблемы совещательной демократии являются наряду с непоследовательными источниками мирового порядка и значительной коммуникативной властью гражданского общества в демократизировании глобального управления первичным интересом космополитической демократии со спецификацией соответствующих конституционных и институциональных порядков культивирования и укрепления демократии вне государства [25, 38]. Кроме того, защитники космополитической и совещательной демократий рассматривают транснациональную демократию «...не как альтернативу национальной демократии, но также как частичное ее спасение» [12. Р. 155]. Несмотря на врожденный идеализм, космополитическая и совещательная теории транснациональной демократии представляют собой самые сложные и убедительные аргументы за демократию вне границ. Вместе они представляют оригинальные и всесторонние попытки к переосмыслению демократии, согласуясь с миром, в котором организация и осуществление власти приобрели существенные транснациональные, региональные и даже глобальные измерения.

Заключение: переосмысление демократии

История теории демократии – это история последовательного переосмысления проекта демократии в соответствии с новыми историческими обстоятельствами. В ответ на современные паттерны глобализации и регионализации теоретики начали размышлять над потребностью, желательностью и вероятностью транснациональной демократии для того, чтобы призвать к ответу глобальные и транснациональные силы, которые теперь избегают существующих учреждений территориальной демократии. Объединились серьезные академические и политические дискуссии, вследствие чего появились четыре отличительных переосмысления демократии, которые в различной степени находят свое выражение в ходе обсуждений реформы глобального и регионального управления – от ЕС до Международного валютного фонда. В этой работе были критически пересмотрены нормативные и эмпирические утверждения четырех теорий транснациональной демократии, а именно: демократической межгосударственности, радикального демократического республиканизма, космополитической и совещательной демократий. Как было продемонстрировано в данной статье, эти четыре переосмысления подвергаются критической трактовке. Однако аргументация была направлена на защиту идеи транснациональной демократии в основном против заявлений самых скептически настроенных критиков. Более определенно это было доказано в случае описания космополитической и дискурсивной демократии как взаимодополняемых проектов, чем других теорий. Вместе они обеспечивают убедительный и этически амбициозный ответ на вызов глоба-

лизации и требования более демократической структуры глобального и регионального управления. Конечно, предложенные аргументы, может быть, не в состоянии убедить те очень скептические мнения, что сама идея транснациональной демократии не является просто утопической. Подобный скептицизм, однако, должен сглаживаться предостережением Е. Карра, что «здравая политическая мысль и здравая политическая жизнь будут найдены только там, где (в утопии или в реальности) они находят свое место» [9. P. 10].

Литература

1. *Albert M.* Complex governance and morality in world society // *Global Society*. 1999. 13(1). P. 77–93.
2. *Beetham D. and Lord C.* Legitimacy and the European Union. London: Longman, 1998.
3. *Boli J., Loya T.A. et al.* National participation in world-polity organization. *Constructing World Cultures* / J. Boli and G.M. Thomas. Stanford: Stanford University Press, 1999.
4. *Boli J. and Thomas G.M.* INGOs and the Organization of World Culture. *Constructing World Culture* / J. Boli and G.M. Thomas. Stanford: Stanford University Press, 1999.
5. *Burbach R., Nunez O. et al.* Globalization and its Discontents. London: Pluto Press, 1997.
6. *Burnheim J.* Is Democracy Possible? Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
7. *Burnheim J.* Democracy, nation-states, and the world system. *New Forms of Democracy*. D. Held and C. Pollitt. London: Sage, 1986. P. 218–239.
8. *Burnheim J.* Power-trading and the environment // *Environmental Politics*. 1995. 4(4). P. 49–65.
9. *Carr E.H.* The Twenty Years Crisis 1919–1939. London: Papermac, 1981.
10. *Castells M.* End of the Millenium. Oxford: Blackwells, 1998.
11. *Cheru F.* The silent revolution and the weapons of the weak : transformation and innovation from below. *Innovation and Transformation in International Studies* / S. Gill and J. Mittleman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
12. *Clark I.* Globalization and International Relations Theory. Oxford: Oxford University Press, 1999.
13. *Cochran M.* Normative Theory in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
14. *Connolly W.E.* Democracy and Territoriality // *Millenium*. 1991. 20(3). P. 463–484.
15. *Cox R.* Globalization, Multilateralism and Democracy. *Approaches to World Order*. R. Cox. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 524–537.
16. *Crawford J.* Democracy in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
17. *Dahl R.A.* Can international organizations be democratic? *Democracy's Edges* / I. Shapiro and C. Hacker-Cordon. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 19–36.
18. *Deudney D.* Binding sovereigns: authorities, structures, and geo-politics in Philadelphian systems. *State Sovereignty as Social Construct* / T.J. Biersteker and C. Weber. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. P. 190–239.
19. *Deudney D.* Global village sovereignty. *The Greening of Sovereignty* / K.T. Litfin. Boston: MIT Press, 1998. P. 299–325.
20. *Devetak R.* Incomplete states: theories and practices of statecraft. *Boundaries in Question* / J. MacMillan and A. Linklater. London: Frances Pinter, 1995. P. 19–39.
21. *Doyle M.* A liberal view: preserving and expanding the liberal pacific union. *International Order and the Future of World Politics* / J.A. Hall and T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 41–66.
22. *Dryzek J.* The Politics of the Earth. Oxford: Oxford University Press, 1997.
23. *Dryzek J.S.* Discursive Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
24. *Dryzek J.S.* Transnational democracy // *The Journal of Political Philosophy*. 1999. 7(1): P. 30–51.
25. *Dryzek J.S.* Deliberative Democracy and Beyond. Oxford: Oxford University Press, 2000.
26. *Eckersley R.* Deliberative Democracy, Ecological Representation and Risk: Towards a democracy of the affected. Mimeo, 2000.

27. *Elazar D.J.* Constitutionalizing Globalization. Boston: Rowman and Littlefield, 1998.
28. *Elkins D.J.* Beyond Sovereignty – Territory and Political Economy in the Twenty First Century. Toronto: University of Toronto Press, 1995.
29. *Elmandjra M.* The Need for the Deglobalization of Globalization. Politics at the Edge. C. Pierson and S. Tormey. London: MacMillan, 2000. P. 29–40.
30. *Falk R.* Liberalism at the Global Level: The Last of the Independent Commissions? // *Millennium*. 1995. 24(3). P. 563–578.
31. *General S.* Renewing the United Nations. New York: United Nations, 2000.
32. *Gill S.* Economic globalization and the Internationalization of Authority: Limits and Contradictions // *GeoForum*. 1992. 23(3). P. 269–283.
33. *Gill S.* Globalization, Market Civilization, and Disciplinary Neoliberalism // *Millennium*. 1995. 24(3). P. 399–424.
34. *Gorg C. and Hirsch J.* Is international democracy possible? // Review of International Political Economy. 1998.
35. *Governance C. o. G.* Our Global Neighbourhood. Oxford: Oxford University Press, 1995.
36. *Greven M.T.* Can the European Union finally become a democracy? Democracy beyond the State? The European Dilemma and the Emerging Global Order / M.T. Greven and L.W. Pauly. Boston: Rowman and Littlefield, 2000. P. 35–63.
37. *Held D.* Democracy, the Nation-state, and the global system. Political Theory Today / D. Held. Cambridge: Polity Press, 1991.
38. *Held D.* Democracy and Global Order. Cambridge: Polity Press, 1995.
39. *Held D.* The changing contours of political community. Global Democracy: Key Debates / B. Holden. London: Routledge, 2000.
40. *Held D., McGrew A. et al.* Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999.
41. *Held D., McGrew A. et al.* Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999.
42. *Hinsley F.H.* Power and the Pursuit of Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
43. *Hirst P.* Between the local and the global : Democracy in the Twenty First Century. Balancing Democracy / R. Axtmann. London: Routledge, 2000.
44. *Hirst P. and Thompson G.* Globalization in Question. Cambridge: Polity Press, 1999.
45. *Hutchings K.* International Political Theory. London: Sage, 1999.
46. *Jones R. J. B.* The world turned upside down? Manchester: Manchester University Press, 2000.
47. *Keane J.* Civil Society: Old Images, New Visions. Cambridge: Polity Press, 1998.
48. *Keohane R.O.* International Institutions: Can Interdependence Work? // *Foreign Policy*. 1998. Spring. P. 82–96.
49. *Kymlicka W.* Citizenship in an era of globalization. Democracy's Edges / I. Shapiro and C. Hacker-Cordon. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
50. *Laferriere E. and Stoett P.J.* International Relations and Ecological Thought. London: Routledge, 1999.
51. *Linklater A.* The Transformation of Political Community. Cambridge: Polity Press, 1998.
52. *Long P.* The Harvard School of Liberal International Theory: the Case for Closure // *Millennium*. 1995. 24(3). P. 489–505.
53. *Matthews J.T.* Power shift // *Foreign Affairs*. 1997. Jan. P. 50–66.
54. *Mayall J.* Democracy and International Society // *International Affairs*. 2000. 76(1). P. 61–75.
55. *McGrew A.* The WTO :Technocracy or Banana Republic? Global Trade and Global Social Issues / Ed. A. Taylor and C. Thomas. London: Routledge, 1999.
56. *McGrew A.* Sustainable globalization? Poverty and Development in the New Century / Ed. A. Thomas et al. Oxford: Oxford University Press, 2000.
57. *McLennan G.* Marxism, Pluralism and Beyond. Cambridge: Polity Press, 1989.
58. *Miliband R.* The State in Capitalist Society. London: Routledge, 1973.
59. *Mitrany D.* A War-time Submission (1941). A Functional Theory of Politics. P. Taylor. London: LSE/Martin Robertson, 1975.
60. *Mitrany D.* A Working Peace System (1943). A functional Theory of Politics. P. Taylor. London: LSE/Martin Robertson, 1975.
61. *Mittleman J.H.* The Globalization Syndrome. Princeton: Princeton University Press, 2000.

62. *O'Brien R. et al.* Contesting Global Governance: Multilateral Economic Institutions and Global Social Movements. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
63. *Patomaki H.* Republican public sphere and the governance of globalizing political economy. Value Pluralism, Normative Theory and International Relations / M. Lensu and J.-S. Fritz. London: MacMillan, 2000. P. 160–195.
64. *Petit P.* Republicanism – A Theory of Freedom and Government. Oxford: Oxford University Press, 1997.
65. *Potter D. et al.* Eds. Democratization. Cambridge: Polity Press, 1997.
66. *Rosenau J.* Along the Domestic-Foreign Frontier. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
67. *Sandel M.* Democracy's Discontent. Harvard University Press, 1996.
68. *Saward M.* The Terms of Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.
69. *Saward M.* A Crique of Held. Global Democracy: Key Debates / B. Holden. London: Routledge, 2000.
70. *Scholte J.A.* Globalization – a critical introduction. London: MacMillan, 2000.
71. *Secretary General of the United Nations.* Renewing the United Nations. New York: United Nations, 2000.
72. *Shapiro I.* Democracy's Edges: Introduction. Democracy's Edges / I. Shapiro. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
73. *Shell G.R.* Trade Legalism and International Relations Theory: An Analysis of the WTO // Duke Law Journal. 1995. 44(5). P. 829–927.
74. *Summers L.* Statement to the International Monetary and Financial Committee // IMF. 2000. April 16th.
75. *Thompson D.* Democratic Theory and Global Society // The journal of Political Philosophy 1999. 7(2) P. 111–125.
76. *UNCTAD, S.-G. o.* The Least Developed Countries 1998 Report. Geneva, UN Conference on Trade and Development. 1998.
77. *UNDP.* Globalization with a Human Face – UN Human Development Report 1999. Oxford: UNDP/OUP, 1999.
78. *Walker R. B. J.* On the Spatio-temporal Conditions of Democratic Practice // Alternatives. 1991. 16(2). P. 243–262.
79. *Walker R. B. J.* International Relations and the Concept of the Political. International Relations Theory Today / K. Booth and S. Smith. Cambridge: Polity Press, 1995.
80. *Wapner P.* Environmental Activism and World Civic Politics. New York: SUNY, 1996.
81. *Weiss T.G. and Gordenker L.* Eds. NGO's. The UN, and Global Governance. London: Lynne Reiner, 1996.
82. *Wolf K.D.* The New Raison d'Etat as a Problem for Democracy in World Society // European Journal of International Relations. 1999. 5(3) P. 333–363.
83. *Woods N.* Good governance in International Organization // Global Governance. 1999. 5. P. 39–61.
84. *Zolo D.* Cosmopolis : Prospects for World Government. Cambridge: Polity Press, 1997.
85. *Zurn M.* Democratic Governance beyond the Nation State? Bremen: Institute für Interkulturelle und Internationale Studien: Universität Bremen, 1998.